

Мертвецы и иногда оживают

Роман «Tote Tiere», выпущенный в сентябре на книжный рынок издательством Rohwolt, способен перевернуть представление многих немцев о России. И не только потому, что его автор Олаф Кюль (Olaf Kühn) – референт правящего бургомистра Берлина по «русским» вопросам.

Два друга – немец и поляк – отправляются в Россию, чтобы тем или иным образом освободить из тюрьмы «заключённого номер один», Михаила Ходорковского, по дороге вольно или невольно ввязываясь в разного рода приключения. Собственно, так можно вкратце обозначить содержание романа Олафа Кюля «Tote Tiere», который лишь несколько дней назад был представлен широкой публике. В основу книги положено реальное путешествие Олафа Кюля и польского писателя Анджея Стасюка (Andrzej Stasiuk) по Сибири, в направлении Читы и Краснокаменска, которое финансировалось Фондом Роберта Боша в рамках программы «Grenzgänger» (прямой перевод: «люди, часто пересекающие границу, например, как во времена ГДР и ФРГ до строительства Берлинской стены». – Л. М.). Стипендия Фонда выдаётся деятелям искусства и представителям прессы, готовым «с использованием разных жанров вызывать общественную дискуссию на тему Восточной, Центральной и Южной Европы».

Сюжет в романе – дело, по сути, второстепенное. Ну, симпатичен почему-то лирическому герою опальный олигарх Ходорковский – то ли врал и воровал он меньше других, то ли глаза у него красивые, то ли и вправду он был реальным борцом с кремлёвской коррупцией, не похожим на остальных «сильных мира». Собственно, мистическое освобождение Ходорковского для рассказчика лишь (достаточно странный) повод вытащить из благополучного обывательского бытия своего друга, популярного польского писателя, да и себя самого: слишком хорошо всё вокруг, эмоции

кончились. А в России эмоции ожидают – и не самые лучшие.

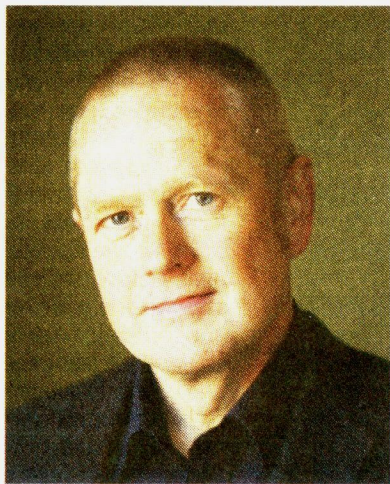
Итак, Россия глазами Олафа Кюля – точнее, героя его романа по имени Конрад – пронизана теорией заговоров. Собственные теории имеют все: вдова милиционера, проститутка, таксист... Китайцы полными мешками на самолётах завозят клещей, чтобы уничтожить русский лес. Американцы запускают пираний в Байкал – так они губят озеро. Азербайджанцы провоцируют коренных жителей на бытовые конфликты, чтобы засадить последних за решётку, а самим занять рынки. Олигархи воруют у простого народа деньги и нефть. Абсурд, полный абсурд. Но донельзя реальный... «Мёртвые звери» Кюля – это Россия, убитая своими представлениями о правоте, о правде и о праве.

«Мёртвые звери» – так, кажется, лучше было бы перевести заголовки романа. Автор, поначалу предложивший вариант «Мёртвые животные», похоже, согласен. «Животные» – это что-то мирное, домашнее и сельскохозяйственное, «звери» – агрессивное, злое, сильное. «Tote Tiere» у Олафа Кюля – это не только объединённые хищными птицами олени и не приконченный Анджеем умирающий ягнёнок, которого разодрала собака, и не трупы несчастных бездомных псов, отравленных активистами «Единой России» перед визитом президента Медведева в буддистский монастырь Улан-Удэ. «Слово „животные“ было моей первоначальной версией, хотя бы потому что в корне этого слова заложено ещё и понятие „жить“, – говорит Кюль, – но, может, вы и правы, „звери“ будут получше.»

«Мёртвые» у Олафа люди. Физически – россияне, весьма

нередко погибающие в перестрелках или в результате поножовщины. Смерть же духовная (здесь, несомненно, «исторический мостик» перекидывается в сторону гоголевских «Мёртвых душ», по теме которых Кюль в своё время защищал магистерскую работу) пронизывает не только русскую, но и западную повседневность. Мёртвые станции берлинского метро, управляемые

мёртвыми компьютерными голосами. Мёртвые «потёмкинские празднества» в российском посольстве. Мёртвый, построенный на штампах, диалог с польским консулом в Иркутске, который пытается отговорить двух авантюристов от не совсем туристического маршрута по Сибири. Духовно мертвы и сами герои – переставшие чувствовать что-либо. Как перестаёшь



Краснокаменску... Может быть, именно поэтому издательство Rohwolt обозначило жанр книги как «роман-путешествие», с чем может поспорить как автор, так и критик. По мнению Олафа Кюля, его книга – «роман о друзьях», проходящий как на грани плутовского романа (*novela picaresca* – литературоведческий термин XVI века: содержание его, как правило, – похождения «пикаро», то есть плута, жулика, авантюриста, порой из обедневших дворян. – Л. М.), так и политического триллера. В «жанровой палитре», как представляется при внимательном прочтении, есть и очень заметные следы «романа нравов» (*roman de moers* – разновидность реалистического романа, которая ставит во главу угла сатирическое описание современного общества. – Л. М.), восходящего к «Ярмарке тщеславия» Уильяма Теккерея.

чувствовать боль, которая прошла.

Философия автора представляется сродни той – пронизанной болью, реальной или фантомной, – которую неизменно отражал в своих романах и рассказах Генрих Бёлль (Heinrich Böll, 1917 – 1985, переводчик, лауреат Нобелевской премии по литературе 1972 г.), апологет «литературы руин», одновременно исходивший в каждом своём сюжете от проблемы конкретного человека и пытавшийся создать грандиозные картины видения стран, эпох, наций... Есть что-то сходное и с бёллевским типом изложения, так называемым «новым немецким языком», стилистически простым и конкретным, – иногда намеренно длинные, а порой явно волюнтаристским образом укороченные фразы. Хотя сам автор своими «литературными учителями» склонен называть Платонова, Булгакова, а из немецкоязычных – Бото Штрауса, Роберта Вальзера, Франца Кафку (Botho Strauß, Robert Walser, Franz Kafka). «Бёллевская» же и дотошность выписывания деталей. Названия улиц, картографические маршруты, детальный, пошаговый календарь событий и мыслей. Кстати, эта детальность может по-настоящему увлечь немецкого читателя, интересующегося Россией: в «Tote Tiere» он получает чуть ли не путеводитель по Иркутску, Чите, Забайкальску,

Уже в этом году роман «Tote Tiere» выйдет в свет на польском языке в издательстве Czarne. Планируется ли русское издание? «Для меня перевод на русский был бы самым интересным и важным, – говорит автор. – Но в российских издательствах спрашивают: а что если Ходорковского освободят? Тогда проект потеряет коммерческую ценность, никто не будет эту книгу читать». По крайней мере, один экземпляр книги Олафа Кюля уже в России: через адвокатов он отправил его Михаилу Ходорковскому с авторской надписью «с глубоким уважением и симпатией в надежде встретиться в достойных условиях».

Да, удалось ли героям романа освободить из тюремного заключения опального олигарха? На этот вопрос не согласится ответить ни один из тех, кто прочёл интересную книгу и теперь передаёт её приятелю. Скажу одно: им удалось освободиться самим. От собственного бесчувствия и от непонимания того, что творится в России – через боль, кровь, страх и... любовь.

Лена Мютцер